

Рапсодия в еврейских тонах

Слово «обаяние», к сожалению, стёрлось от частого употребления, но это единственное слово, которое я могу найти, чтобы описать своё первое впечатление от встречи с Гершвином», – писал биограф и близкий знакомый композитора Дэвид Юэн. «Высокий, с бьющей через край энергией, красивая голова с шапкой курчавых волос, чётко очерченное лицо с крупными правильными чертами...», – так вспоминал о Гершвине сэр Осберт Ситуэлл.

Маэстро летел по жизни. Энергия настолько переполняла его, что он никогда не ходил по лестницам размеренно, предпочитая подниматься через две ступеньки. Гершвин набрасывался на каждое из своих многочисленных увлечений со страстью. Каждое очередное хобби занимало его полностью: если в круг его интересов попадал гольф, то ни о чём, кроме гольфа, Гершвин уже не разговаривал. Гольф сменяли нарды, пингпонг, рыбалка, фанты, крокет, фотография, рулетка, плавание, верховая езда... неизменной была только любовь к музыке.

Джордж Гершвин, замечательный американский композитор, гордость нации, ставший классиком уже при жизни, причём в весьма молодом возрасте, любимец публики и женщин, высокий, красивый, успешный, богатый, талантливый, атлетически сложенный человек (в его двухэтажном особняке даже был специальный тренажёрный зал), абсолютно состоявшийся в творческом отношении – таков был аверс медали судьбы маэстро.

Реверс же медали был совершенно иным. Вторая половина его жизни кардинально отличалась от первой. Гершвин всю жизнь жестоко страдал в связи с устойчивыми проблемами желудочно-кишечного тракта. Сам он называл свой недуг «приступами композиторского желудка». У Гершвина были постоянные запоры, его дожимали частые приступы тошноты, он вынужден был придерживаться строгой диеты, поглощая овсяную кашку, фруктовые салаты, протёртые супчики, суфле и агар-агаровое желе на ночь – иначе его желудок поднимал бунт (впрочем неугомонный темперамент композитора порой приводил к тому, что он съедал на ночь кварту мороженого, жестоко расплачиваясь за это впоследствии).

Джордж Гершвин был вторым ребёнком в семье еврейских переселенцев из России. Его старший брат Айра Гершвин, ставший впоследствии автором большинства песен Дж. Гершвина), был аккуратным еврейским мальчиком, предпочитавшим обычным играм чтение. Он методично вёл список прочитанных им книг. Джордж же был большим любителем погонять мяч, подраться и, видимо, ему нередко приходилось слышать упрёки родителей по поводу своих разбитых башмаков: читать же книги он терпеть не мог. Айра учился хорошо, Джордж к учёбе был, мягко говоря, безразличен. Его успехи только-только позволяли ему переходить из класса в класс. А когда родителей приглашали

Джордж и Айра Гершвин

в школу в связи с его отметками или поведением, с учителями встречался Айра. Пример старшего брата, положительного во всех отношениях – в том смысле, как их трактуют родители – был (что совершенно очевидно) частой темой воспитательных бесед с Джорджем.

Когда в доме появилось фортепьяно – Роза Гершвин купила его, после того, как инструмент приобрела её сестра (мы тоже не хуже некоторых!) – само собой подразумевалось, что играть на нём будет Айра. Однако Джордж совершенно неожиданно для родителей, не слишком-то замечавших, чем действительно интересуется их второй сын (а он тем временем уже успел научиться кое-чему в музыке), продемонстрировал своё умение играть на инструменте, которого в доме прежде не было. Что ж, его тоже пришлось отдать учиться играть на фортепиано.

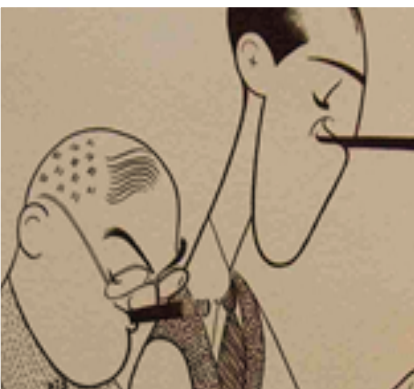
Но основные надежды и здесь вновь возлагались на Айру, а когда его успехи на этом поприще оказались невысокими, мать обвинила во всём педагога и попыталась найти нового. Тем не менее, Айра сумел освоить только 32 страницы пособия для начинающих пианистов. Что же касается Джорджа, демонстрировавшего всё более заметные музыкальные достижения, то Роза Гершвин, упорно желавшая пристроить его в пушной бизнес, регулярно заявляла, что не переживёт, если её сын станет музыкантом...

Но вышло так, что именно Джордж Гершвин, обойдя своего старшего брата, оказался главной планетой своей семьи, в орбите которой вращались все остальные дети Розы и Мориса Гершвинов. Они смогли стать лишь спутниками его блестящего таланта. Оба брата и сестра «вышли» в люди исключительно благодаря Джорджу: Айра стал «текстовиком» его песен, Френсис – певицей, исполнявшей его шлягеры. И только Пртур стал коммивояжёром киноиндустрии, но, безусловно, не без протекции брата-композитора.

Родители Дж. Гершвина

Джордж Гершвин, разумеется, никого не пытался обманывать,

Братья Гершвин

подобно Иакову из ветхозаветного сюжета об обманутом Исае, отдавшем своё уникальное право первородства за обычную чечевичную похлёбку. Желудочно-кишечные проблемы Дж. Гершвина как будто где-то в глубинах его психики опирались на историю из Ветхого Завета. Но, тем не менее, вековая и первостепенно важная, едва ли не сакральная, традиция старого иудейского канона о семейном престолонаследии в его случае оказалась фактически нарушенной: музыкальная одарённость младшего брата определило его фактическое первородство и главенство во всём клане Гершвинов. Таким образом, он завладел чужим куском нематериальной собственности, иными словами, незаконно, вне очереди, съел то, что ему не причиталось.

Может быть, Гершвин и не женился-то (несмотря на свой огромный успех у женщин) из-за того, что только таким образом – не оставив потомства – мог возратить Айре ненароком узурпированное право первородства... Конечно, едва ли Дж. Гершвин

отдавал себе сознательный отчёт в том, что этот библейский сюжет весьма напоминает ситуацию, сложившуюся в их семье. Но не всё в нашей психике происходит по разумному и понятному сценарию. Феномен коллективного бессознательного, описанный К.Г.Юнгом, позволяет «помнить» многое из того, что было задолго до нашего рождения, из того, что было не при нас...

И композитор всю свою жизнь стремился доказать всем, что его выдающийся талант давал ему право поглотить чужую участь. И именно этим легко объяснить демонстративно-высокое самомнение Дж. Гершвина (бывшее не чем иным, как желанием постоянно напоминать о себе окружающим), его стремление к постоянным встречам с выдающимися «серьёзными» композиторами – И. Стравинским, С. Прокофьевым, Д. Мийо, Ф. Пуленком, И. Кальманом. Все эти музыканты как бы «легитимизировали» талант Гершвина в глазах его родственников и его собственных. Прикосновение к великим и признанным авторитетам приподнимало Гершвина на те высоты, которые позволяли ему не так сильно чувствовать вину за незлоумышленную узурпацию первородства.

За стремление увидеться с живыми и признанными классиками таилось простое желание услышать дифирамбы и комплименты в свой адрес – теперь уже от величин мирового уровня. И весьма вероятно, что все эти встречи Гершвин затевал ради фраз, наподобие той, что как-то произнёс Равель: «Зачем вам быть второсортным Равелем, если вы можете быть первоклассным Гершвином?». И эти слова становились для маэстро тем бальзамом, который был совершенно необходим этому неуверенному в себе человеку. Такие слова были для американского композитора индульгенцией его греха.

Но, к сожалению, такие индульгенции действовали в течение ограниченного срока. Этим же обстоятельством, скорее всего, объясняется и неуклонное желание Гершвина заявить о себе не только в популярных формах – песне или мюзикле, но и в прочих музыкальных жанрах, и композитор сочинял оперы и рапсодии, доказывая себе и всем остальным свои возможности, демонстрируя их беспредельность, неуклонно поднимаясь по лестнице, ведущей от лёгкой эстрадной музыки к вершинам симфонизма...

Всё это было необходимо композитору, быть может, только для того, чтобы привлечь к себе внимание единственного человека на свете, ещё раз попытаться доказать этому человеку своё право на собственную судьбу, талант, определивший его положение в семейном клане и в обществе. Но ... «Моя мать никогда не хвастается мной», – с грустным восхищением как-то сказал он. И за этим восхищением скрывается глубокая печаль выросшего мальчика, дарования которого так и не захотела оценить собственная мать, чей прежний безоговорочный семейный авторитет бесповоротно померк рядом с властью таланта Джорджа Гершвина, покоровшего всю Америку.

Джорж с матерью - Розой Гершвин

О самомнении Гершвина сложилось немало анекдотов. «Осторожнее, ты везёшь самого Гершвина!», – говорил он шофёрам такси. «Скажите моим соседям, что играет сам Гершвин!», – говорил он портье гостиницы, просившего маэстро не музицировать после полуночи. Отзыв «Восхитительно!» о своей музыке он встречал удивлённой репликой: «И только?». Иногда он говорил о себе в третьем лице,

словно принадлежал уже не столько самому себе, сколько всемирной истории. В любой компании композитор был так эксцентричен, что однажды после того, как он в очередной раз «перетянул одеяло на себя», приятель спросил его: «Если бы тебе пришлось проделать это ещё раз, ты всё так же был бы без ума от себя?». Однако за фасадом этого высокого самомнения скрывалась рефлектирующая личность, таившая за напускной бравадой и внешним суперменством сублимированную, чувство вины и глубокую неуверенность в себе.

Гершвин не раз обращался к видным психоаналитикам. Эти специалисты (др.Г.Зильберг) не раскрыли сути проблем композитора ни ему самому при жизни, ни публике после его смерти. Психосоматические и иные проблемы Гершвина остались неразрешёнными.

Невротическая личность с психосоматическими проблемами, стремившаяся к компенсации своих комплексов, – вот что скрывается за той бравадой и лихостью, за всеми этими анекдотами, ставшим почти притчей во языцех. Гершвин, несмотря на всю свою демонстративную самоуверенность (по сути, – **гиперкомпенсацию**), всегда был неуверенным в себе человеком. Именно этим объясняется, в частности, то, что он постоянно внимательно следил за прессой, обращая внимание даже на те интервью,

которые давали его близкие и родственники, и эмоционально реагировал по поводу их высказываний. А ведь уверенный в себе человек не придаёт большого значения тому водовороту публикаций, который возникает вокруг него. Неуверенность в себе – вот что пряталось за атлетической и элегантной внешностью блестящего композитора и бонвивана.

Неудивительно, что его внимание к собственной внешности было подчёркнуто акцентированным. Ведь для того, чтобы иметь право на узурпацию первородства, он должен был быть безупречен во всех отношениях! И когда Гершвин начал лысеть, не достигнув и 40 лет, это стало для него почти катастрофой.

И вот взрослый человек покупает специальный прибор величиной с холодильник, соединённый электрическими проводами со специальным шлемом, надеваемым на голову, и с помощью электромагнитных импульсов, генерируемых этим прибором, начинает стимулировать волосяные луковицы своего скальпа. Эти крайне болезненные процедуры проводились Гершвином ежедневно. После таких сеансов кожа на голове композитора становилась до того нечувствительной, что в неё безболезненно можно было втыкать иглы. И это было бы ещё ничего. Но правая височная доля мозга музыканта, видимо, была уже к тому времени поражена опухолью (а может быть, мощный генератор излучения даже стал первопричиной патологии), и эти физиопроцедуры неумолимо приближали смерть композитора, провоцируя рост опухоли.

Февраля 1937 г. странные приступы усталости, разбитости, вялости, какого-то неотчётливого недомогания стали постоянными спутниками Гершвина. Чуть позже к ним присоединились мучительные головные боли. Некоторое время врачи терялись в диагностических догадках, до тех пор, пока у композитора не проявились клинические феномены, сильно смахивавшие на **эпилептические эквиваленты-абсансы**. Временами он словно проваливался в небытие, переставая дирижировать или

разговаривать, то есть делать то, чем занимался в тот момент, как будто отключаясь от происходящего, и впоследствии начисто забывая эти эпизоды. Гершвин почти постоянно ощущал отвратительный запах жжёной резины – это были обонятельные галлюцинации, вызванные опухолью. С течением времени он становился всё более раздражительным и вспыльчивым (**дисфоричным**, как сказал бы психиатр).

В июле 1937 г. необходимость в нейрохирургической операции стала очевидной для всех: головные боли, отключающие сознание абсансы (*absence* фр. – отсутствие, провал сознания) и приступы невероятной астении почти не давали возможности работать и жить.

Первая из операций длилась около 15 часов, повторная – около 4-х, но они смогли продемонстрировать лишь то печальное обстоятельство, что у Гершвина развилась неоперабельная кистовидная опухоль в той части мозга, где слишком густо расположены жизненно важные центры. Композитор умер после операции, не приходя в сознание.

Всё его имущество – 350 тыс. \$ наличными, в ценных бумагах и страховке (после выплаты долгов), предметы домашней обстановки, коллекции дорогих живописных полотен (П.Пикассо, О.Ренуар, А.Дерен ...) перешло во владение **матери**.

Игорь Якушев

«МГ» №64, 29.08.2007 г.